

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Субъектная организация «больших поэм» С. Есенина
(«Пугачев», «Страна Негодяев», «Анна Снегина»)**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 251 группы
направления (специальности) 45.04.01 Филология
Института филологии и журналистики

Киселевой Анны Владимировны

фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

профессор, д.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

И. Ю. Иванюшина

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю. Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2016

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью прояснить авторскую позицию С. Есенина в трех ключевых произведениях первой половины 1920-х годов («Пугачев», «Страна Негодяев» и «Анна Снегина»), отразивших сомнения поэта в правильности выбранного страной пути. Наиболее наглядно эти сомнения проявились в субъектной организации так называемых «больших поэм» С. Есенина. Недостаточная изученность этого вопроса, а также актуальность ситуации выбора для каждого нового поколения читателей предопределили тему исследования.

В последние годы появились статьи, диссертации, монографии, в разной степени связанные именно с субъектной сферой произведений С.Есенина: отношениями автора и героев, системой образов в «Пугачеве», «Стране Негодяев» и «Анне Снегиной»: (А. Андреева, 2000; Ст. Куняев, С. Куняев, 2005; М. Жилина, 2006; Н. Переяслов, 2007; Н. Витрук, 2011; О. Лекманов, М. Свердлов, 2011; Н. Бабицына, 2013; О. Воронова, 2013; Ю. Павлов, 2015).

Теоретической основой работы послужили концепции субъектной организации художественного текста Б. Кормана и С. Бройтмана, а также работы М. Бахтина, Б. Успенского, Л. Гинзбург, Т. Сильман, О. Журчевой, посвященные проблеме автора и героя в произведениях разной родовой и жанровой принадлежности.

Целью работы является исследование субъектной организации «больших поэм» С. Есенина «Пугачев», «Страна Негодяев» и «Анна Снегина», позволяющее уточнить авторскую позицию по ключевым вопросам отечественной истории в ее переломный момент.

Для этого необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. рассмотреть формально-субъектную организацию произведений, соотнеся все отрывки текстов с субъектами речи;
2. проанализировать содержательно-субъектную организацию текстов, соотнеся субъекты речи с субъектами сознания;

3. выделить доминирующие субъекты сознания — лирические субъекты;
4. определить авторскую позицию в отношении доминирующих субъектов сознания;
5. установить тип лирического субъекта по субъектной структуре лирики, предложенной Б. Корманом;
6. уточнить позицию С. Есенина по отношению к ключевым событиям российской истории начала 1920-х годов.

Материалом исследования послужили три произведения С. Есенина — «Пугачев» (1921) , «Страна Негодяев» (1922-1923) и «Анна Снегина» (1925), в которых за множеством действующих лиц и персонажей лирический субъект не был столь очевидным и узнаваемым, как, например, в лирических циклах этого же периода «Стихи скандалиста» (1923) и «Москва кабацкая» (1924). Тексты объединяет общая тематика и проблематика — судьба человека и страны в переломную революционную эпоху, сложный синтез трех литературных родов — эпоса, лирики и драмы и обусловленная этим синкретизмом усложненная субъектная организация, выражающая неоднозначность авторской позиции в отношении действующих лиц и героев произведений.

Научная значимость работы заключается в том, что в ней с учетом жанрового своеобразия и на основании выявленных особенностей поэтики определяется тип лирических субъектов в трех текстах и тем самым уточняется авторская позиция в отношении главных героев и центральных проблем произведений. Результаты исследования дополняют сведения о художественных и нравственных исканиях С. Есенина в 1920-годы.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав («Особенности субъектной организации “большой поэмы” С. Есенина “Пугачев”», «Субъекты речи и субъекты сознания в “Стране Негодяев” С. Есенина», «Субъектная организация поэмы С. Есенина “Анна Снегина” как способ объективации лирического субъекта»),

заклучения, списка использованных источников, включающего в себя 89 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава посвящена анализу субъектной организации «большой поэмы» С. Есенина «Пугачев». Изученные черновые варианты произведения позволили сделать вывод о том, что в процессе правки текста С. Есенин отказался от множества ремарок, деления на действия и сцены, тем самым значительно сузив зону прямого авторского присутствия. Драматическая формально-субъектная организация — монологи, распределенные по ролям, — единственное, что ко времени завершения работы поэта над текстом роднило «Пугачева» с драмой.

На сюжетно-композиционном уровне текста выявлено выдвижение фигуры Емельяна в качестве основного действующего лица: ни один эпизод не обходится без его видимого или незримого присутствия. В тех частях, где Пугачев не является действующим лицом, он выступает либо как внесценический персонаж, либо за него действует «двойник»: Хлопуша, Зарубин, Творогов. С. Есенин закольцовывает композицию всего текста монологами Пугачева. О том, что именно Пугачев является центральной фигурой, говорит не только заглавие произведения, но и устойчивое нахождение его имени в сильной ударной позиции.

Особенности синтаксиса (трехкратные повторы, риторические вопросы, восклицания и междометия, назывные, односоставные, неполные предложения) монологов разных героев доказывают их единство: речи героев переплетаются и формируют единую «речь Пугачева». Героев объединяет художественный, насыщенный метафорами язык, «имажинистское наречие»¹. Пугачев словно ведет диалог сам с собой, переспрашивает свой внутренний голос, сомневаясь в ответах, прислушивается, убеждает себя в чем-либо.

¹ Кириллов, В. Встречи с Есениным / В. Кириллов // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986. С. 272.

Образная система, лексика, синтаксический строй высказываний показывают, что в «Пугачеве» субъект речи не всегда равен субъекту сознания. Разные субъекты речи в «Пугачеве» объединяются в несколько «голосов». При этом число «голосов» меньше, чем число субъектов речи.

В первый «голос» объединены Пугачев со Сторожем, Кирпичниковым, Зарубиным, Хлопушей, Бурновым, Оболяевым, Подуровым. Герои решительно настроены в отношении борьбы против власти, верят в бунт, как в очищающую силу стихии. Напротив, чутье Торнова, Чумакова, Творогова и Крямина подсказывает им неудачный исход сражений. Переходными образами становятся Карavaев, Шигаев, а также несколько «голосов» с их короткими репликами. Они, не имея собственной четкой позиции, непоследовательны, то соглашаются с Пугачевым, то сомневаются в его правоте. С помощью этих персонажей создаются композиционные параллели между сценами.

Система образов в тексте С. Есенина построена так, что все персонажи в совокупности образуют целое, но не цельное сознание Пугачева. Сознание Пугачева доминирует среди других вторичных субъектов речи, объемлет их.

С помощью групп персонажей через субъектную организацию текста выражен не только внешний конфликт между героями, но и внутреннее противоборство в сознании Пугачева. При этом сам герой не замечает своей противоречивости. Он не способен изнутри осознавать себя как целое. Все недоступное его видению знает автор. Сознание автора в «Пугачеве» тем самым объемлет сознание героя.

Автор занимает вполне определенную позицию по отношению к своему герою. В номинациях, которыми действующие лица определяют друг друга, например, *бродяга, негодяй, жулик, каторжник, пройдоха, прохвост, мошенник, вор, бунтовщик*, обнаруживается типологическая и лирическая близость автора и центрального персонажа. Известно, что С. Есенин и себя видел, если не поэтом, то мошенником и вором.

Помимо объединяющего с героем происхождения «из простого рода», автор ощущает и эмоциональную близость с ним. В монологах Пугачева звучат важные для С. Есенина лирические мотивы усталости, ушедшей молодости, увядания. Автор доверяет персонажу свое образное видение окружающего мира, использует в «Пугачеве» нервный, рваный ритм, характерный и для других произведений С. Есенина 1920-х годов. Во всех случаях ритмический рисунок призван передать дисгармоничность внутреннего состояния героя и мира вокруг.

Прояснению авторской позиции способствует рифма. В ней выражено авторское отношение к происходящим событиям: *мать — стрелять, дождь — как нож, полки — клыки, здесь — мечь, калекам — человека, свадьбищем — кладбищем*. В семантике рифмы обнаруживается несогласие автора с героем, воспринимающим бунт как очищающую стихию. Автор, в отличие от героя, не только критически относится к власти, но и видит вину народа в «зверской резне»: *сам народ — сброд, деревни — скверный, Русь — гнусь*. С. Есенин не может до конца принять позицию своего героя.

Образ Пугачева как лирического субъекта соответствует типу псевдоролевого героя. Как основной *субъект сознания* он соотносит факты, обстоятельства, людей со своим представлением о норме, как это обычно происходит в лирическом стихотворении, где господствует *прямо-оценочная точка зрения*. Но последняя выступает здесь в форме фразеологической, поскольку сознание Пугачева является объектом оценки для более высокого сознания автора. Главный герой занят саморефлексией, он не столько предводительствует восстанием, сколько размышляет о себе, своей душе и о том, что ее мучит, пытается понять свое предназначение и судьбу. Лирический субъект выступает как внутреннее перевоплощение поэта, открывающего «другого» в самом себе, примеривающего на себя чужие роли, и выявляет многоголосость собственного сознания.

Вторая глава посвящена анализу субъектной организации «большой поэмы» С. Есенина «Страна Негодяев». По способу воплощения сюжета и

композиции «Страна Негодяев» имеет драматическую формально-субъектную организацию.

В «Стране Негодяев», как и в «Пугачеве», звучащих «голосов» оказывается меньше, чем субъектов речи. Персонажей, близких по мировоззренческой позиции, можно объединить в четыре группы.

Первая группа «голосов» — Чекистов, ближайший соратник Номаха Барсук и повстанцы. Они олицетворяют крайности методов борьбы с противником. С. Есенин сближает этих персонажей с помощью композиционного параллелизма, антиэстетических образов в их речах, а также синтаксического строя их высказываний. Показательно, что создав отталкивающие образы комиссара и повстанцев, поэт вкладывает в их уста некоторые, наиболее радикальные свои идеи. Например, мысль о том, что «полезней было бы построить вместо церквей сортиры, чтоб мужик не ходил “до ветру” в чужой огород» (V, 267) С. Есенин доверяет Чекистову, который предлагает перестроить храмы Божие «в места отхожие» (III, 57).

Во вторую группу близких друг к другу субъектов речи и сознания объединяются также композиционно сближенные С. Есениным Рассветов и Номах. Герои предпочитают изъясняться пространными монологами. Имея разные цели, они одинаково непринципиальны в средствах их достижения. Оба персонажа жестоки по отношению к простым людям.

Устами Рассветова С. Есенин формулирует самые крайние и жесткие выводы из своих наблюдений за отсталостью родной страны, сделанные в «Железном Миргороде». А в монологе Рассветова поэт формулирует рецепт преодоления отсталости России: «Лишь только клизму мы поставим стальную стране, вот тогда и конец бандитизму» (III, 77).

Передаёт он Рассветову и свое двойственное отношение к Америке как к месту, где, с одной стороны, сосредоточились все достижения мировой цивилизации, но с другой — все «мировое жулье»: «Вот она — Мировая Биржа! *Вот они — подлецы всех стран!*» (III, 74)

Особое место в субъектной организации «Страны Негодяев» отводится Номаху. Автор наделяет его своей внешностью, возрастом, некоторыми фактами биографии. Номах изображен весьма поэтичным, его речь насыщена художественными образами: *прикуривать о звезды, сонату лунную играть на кольте, судорога душу скрючила, ветер судьбы, израненный насмешкой, мир невымытый*. Автор и герой относятся к одному психотипу – «хулиганов» в специфически есенинском смысле этого слова. С. Есенин вложил в уста именно этого персонажа фактически исповедальный монолог в сцене «Киев»: «Веселым парнем, до костей весь пропахший степной травой, я пришел в этот город с пустыми руками, но зато с *полным сердцем* и не пустой головой. *Я верил... я горел... Я шел с революцией*» (III, 109-110). Эмоциональная, лирическая близость автора и героя обнаруживается в интертекстуальных связях, возникающих между монологами Номаха и строками из стихотворений С. Есенина. Все это привело ряд исследователей к мысли о том, что именно Номах является лирическим субъектом этого произведения, что не подтверждается анализом его субъектной организации.

Таковыми же близкими друг другу субъектами речи и сознания как Чекистов с Барсуком в первом случае, как Рассветов с Номахом во втором, оказываются Замарашкин и Чарин. Персонажи-резонеры объединяются в третий единый «голос» «Страны Негодяев». Они выступают своеобразным противовесом в спорах с Номахом в первой части и с Рассветовым во второй части. Реплики Замарашкина и Чарина, произносимые в пику словам Номаха и Рассветова, провоцирующие их на спор, содержат множество вопросительных предложений, адресованных оппонентам. Герои часто употребляют глаголы в повелительном наклонении, призывают Номаха и Рассветова остановиться, одуматься, сжалиться, назвать все своими именами: *слушай, оставь, ты должен щадить, подумай, не впутывай, отступись, нужно прямо сказать*.

В речи Замарашкина и Чарина концентрируются сквозные мотивы болезненности, лютого холода и голода в стране. Лишь эти герои при любых обстоятельствах помнят о бедствиях голодающего и гибнущего народа. Своими критическими замечаниями они обращают внимание на безразличие комиссара продовольствия и предводителя бандитов к истинным человеческим нуждам.

Субъекты речи, не отмеченные автором в списке персонала, можно объединить в четвертую группу «голосов»: это бывшие дворяне, а ныне торговцы спиртом и кокаином Щербатов и Платов. Эти образы имеют сатирическую окраску. Выбирая для героев знаменитые дворянские фамилии, С. Есенин показывает, что цвет российского общества превратился в «людей ловкой игры» (III, 88), одурманенных кокаином до бесчувствия, и с ними нельзя связывать будущее страны.

Таким образом, субъектная организация текста «Страны Негодяев» позволяет говорить о нескольких одновременно звучащих «голосах», объединяющих действующих лиц. При этом авторскую позицию невозможно отождествить с какой-либо одной точкой зрения, исключительно с одним персонажем. Среди героев не выделяется доминирующий субъект сознания, лирический субъект. Субъекты речи и сознания противопоставлены друг другу с помощью композиции, образных систем, речевых характеристик, синтаксиса и ритмико-интонационного своеобразия. Субъектная организация тем самым работает на поддержание и усиление драматического начала в тексте.

В противостоянии персонажей по политическим и нравственным вопросам заключен смысл «Страны Негодяев»: неразрешимость спора о путях развития России. Финал произведения подтверждает неоднозначность авторской позиции. С. Есенин предполагал закончить поэму арестом бандита Номаха (следовательно, торжеством Чекистова и Рассветова), однако переменял решение и оставил финал открытым — Номах не пойман, но это не производит впечатления его идеологической и моральной победы. Финал

остаётся открытым, поскольку позиции всех персонажей для автора остаются спорными.

Разорванное авторское сознание воплощается в непримиримых позициях героев, персонифицируется в противостоящих условных фигурах. Поэтому «Страна Негодяев» — драматическое по своей форме произведение — имеет соответствующую драме содержательно-субъектную организацию.

В **третьей главе** анализируется субъектная организация поэмы С.Есенина «Анна Снегина».

Субъектами речи в этом произведении являются Сергей, возница, мельник и его старуха жена, Анна Снегина и ее мать, деревенские мужики, Прон Оглоблин и его брат Лабутя. Повествование в стихотворной форме ведется от лица главного героя поэта Сергея. Он как рассказчик воспроизводит диалоги с другими персонажами в форме прямой речи.

Между автором и главным героем обнаруживается предельная лирическая близость. Она выражается в совпадении их имен, внешности и судеб. Автор и герой занимают единую позицию относительно поэтического творчества, солидарны в политических взглядах. Автор наделил героя и собственным чувством усталости от жизненных неурядиц и тоски по родным деревенским местам, обозначив тем самым свою эмоционально-психологическую близость к нему. Но главное — автора и героя роднит единое образное видение мира, поэтическое восприятие родной природы. Таким образом, можно констатировать, что в поэме «Анна Снегина» воплощен образ поэта Сергея, ничем не противоречащий автору-творцу.

Очевидно также, что главным объектом изображения в поэме становятся не только и не столько события в Радово и Криушах, сколько сам субъект речи и сознания — поэт Сергей, его реакция на происходящее, смена его эмоциональных состояний. Его внутреннее лирическое переживание выдвигается на первый план, отводя повествовательной составляющей второстепенную роль. Остальные персонажи поэмы, их высказывания и действия даются сквозь призму восприятия и оценки их главным героем.

Поэтому Сергей является в произведении доминирующим субъектом сознания.

При этом он является не только субъектом в себе, ведущим рассказ о случившихся переменах в жизни двух деревень, но и субъектом для себя. Его сознание и эмоциональные переживания становятся собственно темой. Такая смена авторского акцента повлекла за собой отказ от первоначального названия поэмы «Радовцы. Повесть», которым подчеркивалась эпическая, повествовательная составляющая. Заглавие «Анна Снегина» акцентирует первостепенность лирической линии сюжета.

В то же время поэма не превращается исключительно в лирическую исповедь. Несмотря на то, что персонаж «Анны Снегиной» максимально похож на автора, С. Есенину удалось показать свою неслиянность с ним. Отделению автора от героя способствуют особенности субъектной организации текста.

Так, на протяжении всего произведения С. Есениным используется прием драматизации диалогов персонажей. Их прямая речь дает возможность сменить точку зрения, с которой читатель воспринимает происходящее. Если в отрывках текста «Анны Снегиной», написанных от первого лица героя, читатель совмещен с его прямо-оценочной точкой зрения, то в воспроизведенных диалогах точка зрения меняется на фразеологическую. Это позволяет читателю отделиться от героя и взглянуть на него как на объект авторского художественного исследования.

Наличие слов рассказчика, выполняющих функцию ремарки, индивидуализированная речь персонажей способствует усилению драматического начала в тексте. Благодаря этому персонажи облачаются узнаваемыми чертами, становятся полноценными действующими лицами. Иногда по своей активности они даже превосходят главного героя. Это создает иллюзию многогеройности поэмы, что позволяет существовать в тексте разным носителям сознания.

Сергей выступает в «Анне Снегиной» как лирический субъект, которого можно считать лирическим героем С. Есенина, во всей полноте воплощенном в творчестве поэта, к которому на протяжении текста поэмы автор неоднократно отсылает читателя. Особенности субъектной организации текста закрепляют за лирическим героем статус объекта изображения, который оценивается носителем более высокого сознания — автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание С. Есениным «больших поэм», в которых сложно взаимодействуют лирическое, эпическое и драматическое начала, было обусловлено как идеологическими, так и эстетическими задачами. Поэт-лирик сделал попытку преодолеть единство с лирическим субъектом, заняв в тексте позицию эпического или драматического автора.

Субъектная организация первой «большой поэмы» С. Есенина «Пугачев» отражает первый этап преодоления поэтом субъективности. Не выходя за рамки собственного сознания, С. Есенин подверг художественному исследованию похожего на себя исторического персонажа — Емельяна Пугачева. Автор изобразил героя как отдельную личность, но все же осознал его в категориях собственного «я».

Субъектная организация текста показывает, что Пугачев является доминирующим субъектом сознания в произведении. При этом он одновременно предстает как объект для более высокого сознания автора. Автор и герой расходятся во мнении по ключевой проблеме «большой поэмы» — вопросу о необходимости крестьянской войны. Мятежник Пугачев на протяжении текста занят саморефлексией. Такой лирический субъект соответствует типу псевдоролевого героя, совмещающего автономную историческую роль с автопсихологичностью.

В «Стране Негодяев» С. Есенин, несмотря на избранную драматическую форму, также не вполне сохраняет позицию вненаходимости автора по отношению к герою. Поэт предельно лирически сближается с

Номахом, наделяя его автобиографическими и автопсихологическими характеристиками. Но и другие действующие лица «большой поэмы» не вполне автономны по отношению к автору. В разной мере они воплощают отдельные стороны авторского сознания. Если в образе Номаха отразился бунтарский дух создателя поэмы, то в монологах Рассветова и Чекистова нашли свое отражение мрачные, крайне болезненные для поэта мысли об отсталости родной страны и инертности российского крестьянства.

В «Стране Негодяев» каждый из персонажей является выразителем определенной точки зрения относительно путей развития России. В столкновении сторон автор вскрывает достоинства и недостатки идеологии коммунизма и анархизма, бесчеловечность комиссаров ЧК, нравственное разложение бывшего дворянства. Так поэту удается показать «негодность» и тех и других для решения насущных проблем России.

Среди «персонала» «Страны Негодяев» не выделяется доминирующий субъект сознания. Таким субъектом выступает сам автор. Раздробленность сознания автора в период работы над текстом делает невозможным существование цельного, воплощенного в одном персонаже, лирического субъекта С. Есенина.

«Анна Снегина» явилась третьим этапом преодоления С. Есениным субъективности, выражаемой в слиянии автора с лирическим субъектом. На этот раз автор прямо вывел в лиро-эпическом произведении образ своего лирического героя. Для «Анны Снегиной» характерен субъектный синкретизм, слабая расчлененность автора и героя, между которыми отсутствует четкая внешняя граница. При этом С. Есенин всячески стремился к дистанцированности от столь похожего на себя героя. Ему удалось достигнуть этой цели с помощью внутренней субъектной организации произведения. Поэт поднялся «над» сознанием героя, включив лирический субъект в действие и сделав других персонажей равноправными лирическому герою носителями индивидуализированной речи и сознания.

Экспериментируя с синтезом трех литературных родов при создании «больших поэм», С. Есенин все же оставался преимущественно лириком. Художественному сознанию поэта свойственен синкретический принцип мировидения, неспособность различения себя и другого, внутреннего и внешнего. С. Есенин воспринимал все исторические перемены в стране как личные драмы, каждый раз переживая ломку собственного сознания. Борьба противоречий и поиск разрешения лирического конфликта нашли свое отражение в трех рассмотренных «больших поэмах» С. Есенина.